

Михаил Жванецкий

Собрание произведений в пяти
томах

Том 1

Шестидесятые

*Я благодарен Олегу Сташкевичу из Москвы,
Сергею Шойгу из Москвы, Александру Сысоеву
из Нижнего Тагила, Валентине Сериковой из Киева –
моим друзьям, собирателям и вдохновителям
этого издания.*

Михаил Жванецкий

От автора

Я не собирался быть писателем и, видимо, им не стал. Правда, в молодости была какая-то веселость, привычка к смеху вокруг себя.

Мы смеемся вместе. Вы смешите меня, потом этим же я смешу вас. Приятно, что мои рассказы стали привлекать публику, для чего большое значение имеет интонация. Мы так и жили все эти годы: говорили одно, думали другое, пели третье. Опровергали слова жестом, придавали другой смысл интонацией, и самому хотелось уцелеть и сохранить сказанное.

Три-четыре раза что-то печатали, но после публикации компания как-то рассыпалась.

А еще, говорят, это нельзя читать глазами. А чем? Мне нетрудно было читать вслух, и я ушел на сцену. Нашел свой школьный легкий портфель, набил руку, появилось актерское мастерство. Начал подмигивать и ругаться, если кто-то что-то не понимал: ну и публика сегодня. По рукам пошли записи. «Эх, — вздыхало начальство, — вы способный человек, но эти пленки...» А что мне с пленками — издавайте.

Я пытался расставить написанное последовательно или по темам. Чем можно связать разрозненное? Своей жизнью. Концовку додумаете сами.

А я, разбив написанное на несколько глав, приглашаю вас к чтению. Если будет трудно читать, мой голос поможет вам, как вы помогали мне все мои трудные годы...

Действительно

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. Тридцать пять років творческой, тридцать пять років производственной деятельности и где-то шестьдесят общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами. Как же прошли эти двадцать пять, если считать с 88-го, и тридцать пять, если с 54-го года.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета прились как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы з Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так: Роман поярче на сцене, Виктор — в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись. Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор...» Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими

одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке. Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомился где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем и до сих пор. Как тяжело даются слова: тридцать лет тому назад. И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось: остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

— Что с тобой? — спросил я заботливо-завистливо как всегда.

— Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в одиннадцать утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление: «Прошу принять меня на работу...» Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность приникла к окнам, Ромын батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двоих детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуне, районный прокурор Козуб, в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив — это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка — тонкий довоенный шелк, и это при таком успехе, и это при

такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал сто пять рублей.

В голове вертится фраза:

— Почему клубника?

— Уже шесть.

— Простите, вчера была пять.

— Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием. «И тогда сказал Аркадий Исаакович: "Сейчас мы едем прописываться", — и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал: "Посиди", и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: "Все в порядке", — и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие счастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле:

«И тогда он сказал мне: "Завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое?" И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: "Мы включим тебя с этим монологом в избранное". Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине».

И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программку, развернул — и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля, и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина С-153, что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке — благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредоблсовпроса или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза він кожний рік відпочивав бы в санатории ЦК «Лаванда» у «люксе» з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по

субботам напивавсь у компании таких же дундуков, объединенных тайным знанием, что эта система ни к херам не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з ним в крайней вражде.

«Понаехали тут деревья защищать отовсюду, з Турции, з Израйля. Я им говорю: "Та хто ж те деревья хотел рубать?" Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: "Та хто ж их хотел рубать те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упорядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город..." Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна».

Так вот Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампредминистра решающего на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи, и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка: «У нас полиция на угле», я спросил: «Неужели так допотопно?»), потом оказалось — на углу, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание десять рублей. Мама вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать, комплексно за пятьдесят копеек, и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, отчего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку: «Разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) тридцать рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

— Таня, ты деньги получила?

— Когда ты выслал?

— Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан», или «Гигант», или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» — находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А. И. Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в пятьсот рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А. И. Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить — их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, общевойскового, ордена "Знак Почета" Ленинградского государственного мюзик-холла?!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла

холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жостью, уехал с криком «Жду в Москве!», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменялась в лице — я ее догнал на улице:

— Спектакль не принят?

— Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Гаджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, — беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой — фурцевоз, село Жирновка.

— Эй!

— Чего?

— Артисты приехали.

— Какие еще артисты, елкин дуб?

— Да вот эти, что на афише...

— А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням — и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас», вернулись в Ростов — директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит, кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом, если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна — покровительница всех муз. Да здравствует партия — покровительница страны, покровительница всех муз.

— Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

— Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

— Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова, после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все — везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем. Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны — герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны — беспородные, которых знают все. Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

— Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

— Конкурс, что ли?

— Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здався... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы, писатель Жиманецкий и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты и там будет у вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

«А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим. Так что после пятнадцатого лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» — но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали: «Оставайтесь», и мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ленинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. Откуда там собралось столько правозащитников? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку — здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку — уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Воны. 3 пайками та машинами. Для нормального зрителя — правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас». Да здравствует Советская власть — покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков. Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай...»

У него аж портфель запотел.

— Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

— Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

— Я извиняюсь, я в таком белье... жена где-то купила...

— Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый. Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

— Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Венчиком спину давай! По

пяточкам. Ух, застой — о — о — горячо! Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник. Кабинет на замок — читай». Эх, референты — короли застоя. Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии... Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в одиннадцать ноль-ноль передовики производства, Пахмутова и обед... После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии — перерыв...

— Не забудь скандирование по десять человек через четыре ряда.

— А ну, профсоюз, скажи.

— А чего, за родину нашу, за нашу заботливую мать!

— Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил, профсоюз, глаз острый.

— А как же Леонид Иванович, ему рабочие интересы защищать.

— От кого их защищать в рабочем государстве?

— Не, не, Леонид Иванович, хватает еще бюрократов.

— Ну, бить бюрократов — святое дело, говори ты, комсомол.

— Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

— Bravo, bravo, точно...

— Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

— Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

— Давай, армия.

Шепот:

— Леонид Иванович...

— Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

Артисты:

— Верно, Леонид Иванович.

— Володя!

Володя:

— Слушаю, Леонид Иванович!

— Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

— Где, здесь?

— Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

— Ясно, а если упрется?

— Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

— Здесь, Леонид Иванович.

— Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

— Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

— Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит, мурлычет приятно. За что пьем?

— Милиция всегда за порядок и спокойствие.

— Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

— Час расплаты настал?

— Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

— Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

— А-ха-ха! А ну еще раз.

— Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

— Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу.

Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолья. Не работали мы как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. Как обычно — говорил один и ему вторил второй. Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распродавали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали? Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

— Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

— Кому?

— Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Прекрасная мысль. Чего ждать праздника?

— Мы хотели для коллектива.

— Значит так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах будете танцевать, ничего не будет, ему понравится — все! Никаких отказов. Я ему сказал. Они с замом ждут. Виски, сигареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета.

— Ты начнешь.

— У нас программа.

— Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой

национальности?» Ему это интересно.

— Так может, не надо...

— Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из ЦК.

— Может, не надо?

— Этому нужно играть после второго стакана. Хохочет, все понимает... Ничего. Все!.. Вы здесь сидите. Я приглашу.

— Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное пионерское.

— Что он просит?

— Телефон.

— Там кабелировано?

— Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

— Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

— Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)* Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с референтом.)

Референт. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

Федор Иванович. Не тянут. Петрович вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

Референт. Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

Федор Иванович. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне. Я в слезах сидел — молодцы...

Ух, застой. Наш застой. Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту. Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам. О! Что там эта маленькая вякает, так хряпнем. Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть. Здесь недоедаем, но там чтоб все было. Ох, красивые танки. Ну, крейсера, заглядение. ППШ — лучший в мире. Секрет МИГа до сих пор не могут разгадать.

Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти. Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем — немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы. Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали».

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут, и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего: может, оттуда изюм привезут, а оттуда курей. Объедем — дальше поползем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча, или мыши, или тараканы, и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то отпиливают.

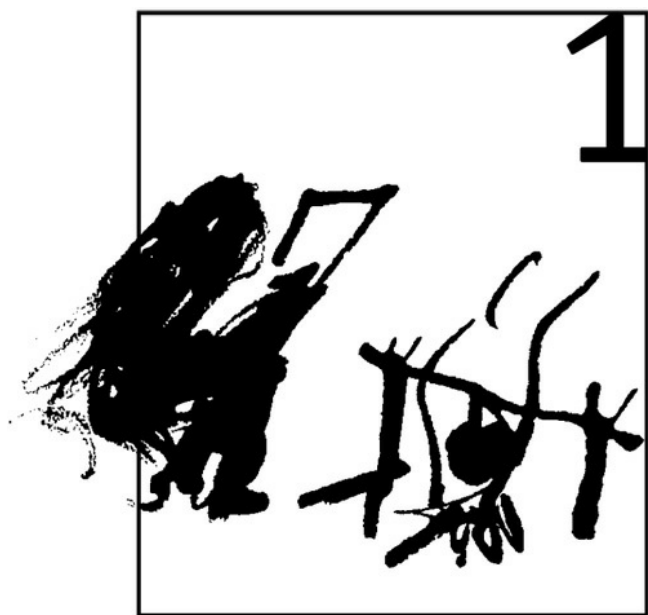
Ох, застой! Тем и хорош был, или есть, что интересы верхов и низов полностью совпадали. Интеллигенция верещала, не печатали ихние романы или, черт его знает, пробирок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали: не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою. И правильно их в лагеря и психушки. Помешать они не могли, но настроение портили. В общем, отправили их подальше. Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну, то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что? Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненавидят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась. В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во дворце, верх понимает, что низ должен воровать. Эх, застой, Божья благодать. Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время.

Правду не говорил никто! Ну то есть кто-то говорил, но где? Интеллигенция шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да. Начальники за войска, народ за войска, а эти против. Сейчас уведем, разбежались. Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись, и как ты их удержишь?

«А в Венгрии, представляешь, — рассказывает капитан, — продвигаются мои танки. По такой узкой улице брызговики штукатурку сбивают, а венгры что придумали, представляешь, — портрет Ленина посреди улицы, думали, не наеду, а я и не наехал. Я объехал. Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали — давили, прямо — давили. И остановились на раздавленном. Началась перестройка.

Шестидесятые

Я человек суеверный: не подвожу итогов, не завожу архивов, не ставлю дат на сочинениях. Интерес к личной жизни деятелей искусств нам чужд, хотя там самое интересное, а моя автобиография для предъявления в разные организации, как бы я ее ни растягивал, уместается на одной странице.

Да! Родился в Одессе, где-то в 34-м. Что-то вспоминается очень солнечное, пляжное, заполненное женщинами маминого возраста. Пока не грохнула война. Дальше — поезд, лопухи, Средняя Азия, школа, Победа, возвращение в Одессу, Институт инженеров морского флота, где и застал нас 53-й год. Ренессанс. † Бурный рост художественной самодеятельности. В Москве — студия «Наш дом», в Ленинграде — «Весна в ЛЭ-ТИ», в Одессе — «Парнас-2» (в отличие от древнегреческого номер 1).

В наш институт на вечера — как в Ленком в Москве: давка, слезы. Мы с Виктором Ильченко играем миниатюры. Ведем концерты. По поручению комсомола я начал писать. После страшного раздолба начал писать смешно, вернее не смешно, смешно я никогда не писал, а грустно, что и вызывало смех.

Смех слышал с удивлением, и чем я меньше понимал, отчего смеются, тем громче они это делали. Открылся городской студенческий клуб. Театр «Парнас-2» процветал. Я уже закончил институт, работал в порту сменным механиком, чтоб легче было репетировать. Восемь лет погрузки-выгрузки, разъездов на автопогрузчике, сидения в пароходе, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я мужал.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru